

Судьба моя — Карелия

О поэзии Елены Пиетияйнен

Елена Пиетияйнен — признанный русский поэт, удивительный лирик, в стихотворениях которой сочетаются нежность и сила, боль истории и красота нынешнего дня.

Перед нами — новый цикл стихов поэта, посвящённых родной земле — Карелии.

Елена Пиетияйнен сразу погружает читателя (а вместе с музыкой, ибо о песнях у нас тоже речь далее пойдёт, и слушателя...) в атмосферу Карелии, в перламутровый воздух Русского Севера, где тесно сплетены сказка и быль, легенда и явь, где озёра становятся небесами, вбирая их в себя, а небо ангельски отражает озёрную воду, становясь синей, живоносной частью земли. Соединение неба и земли! Всё и всегда между, рядом, близко, в объятии. Человек идёт по тонкой грани между мирами. Мир земной и мир небесный, а между ними тропа — Карелия:

*Между Ладогой и Онего,
Где горячий пахучий мох,
В колеснице июль проехал,
Август лето закрыл на замок.*

Человеческая алая кровь и синяя кровь земли текут междуречьем, и эта дорога пролегает мимо абсолютно сказочных деревянных поселений, выходящих, кажется, из утреннего тумана баснословных, забытых лет...

*Между Ладогой и Онего,
Где у елей растёт борода,
В предвкушении первого снега
Деревянные спят города...*

Елена Пиетияйнен — вместе и эпик, и лирик. Мы счастливо узнаём в её поэзии мелодичнейшую музыку русских композиторов, интонации Чайковского, Рахманинова, Римского-Корсакова... В новых стихах поэта сплетаются, образуя сложносоставное пространство, живопись, слово и музыкальные модуляции. «Золотая кайма рассвета», «соцветия звёзд», плачущие «росой, как слезой», леса... Так ещё никто не живописал любимую Карелию. Этот тройной союз искусств образует в поэзии Елены Пиетияйнен совершенно волшебные аккорды, новую художественную интервалику, направленную на поиск мировой гармонии. И это Елене удаётся. Это карельский светящийся Космос.

*(...) О прозрачная ночь! Это — севера лето!
Не созрели ещё и соцветия звёзд.
Только ломтик луны рыхловатой и бледной
Осыпается вниз — в шелестящий овёс.
Крошки птицы клюют, как молочные зёрна.*

*Оттого до утра их слышны голоса.
И туманами томно исходят озёра.
И росой, как слезой, истекают леса. (...)*

Поэт не боится сталкивать, ставить друг против друга мирные, прозрачные, нежные настроения и открытое отчаяние, полынную горечь, подлинность огромного горя. Жизнь дана нам не для наблюдения её сквозь розовые очки. Поэт подвластен боли, как и любой человек. Но главный целитель, главный врачеватель боли — могучая природа: она и обнимет, и излечит, и вразумит, и утешит. «Берёзовые руки» Руси, лунный свет, параллель которому — прозрачная, холодная колодезная вода... А разве мыслим в реальности настоем из огня? Только в сказке случается такое! И этим огненным настоем, одновременно и опасным, и целебным, поэт бесстрашно ставит себя между героев древних мифов; персонажи «Калевалы» совсем рядом, близко, мы видим не только их плавно движущиеся тени, но и их лики, их ног касаются «росные травы»... А какой потрясающий образ — «*орган грозы*»! Я, как музыкант, органистка в моём музыкальном профессиональном прошлом, просто восхищена этой краткой и космически ёмкой метафорой. Грандиозное звучание органа — это и есть мощная, неистовая летняя гроза над густым родным лесом; и любое громоподобное отчаяние, любая невыносимая буря и жестокая катастрофа опять утихомириваются матерью-Родиной, в подол которой «*из душистых тёплых трав*» лирическая героиня утыкается заплаканным лицом. Так человек, обласканный Родиной, восстает с новой силой к новой жизни:

*(...) А когда душа приникла
В тихой горечи к полям,
Угощала земляничкой
Солнечных своих полян.
И утраивались силы,
Восставал бунтарский нрав!
Но лицом в подол России
Из душистых тёплых трав
Я в отчаянье безмерном
Упаду ещё не раз,
Сохранив святую веру
В Бога. В Родину. И в нас.*

Оптимизм, вера — вот что спасает поэта внутри невзгод, вот что даёт силы жить. И опять слуша-

ем музыку зимы; ледяной звон зимней арфы тает в ночи, его перебарывает, затмевает налетевшее тепло, весна рядом! Здесь можно расслышать тючевские ноты («*Ещё в полях белеет снег, / А воды уж весной шумят...*»). Наш поэт — женщина, а женщине, как никому, свойственно безошибочное, глубинное чувство воды. Онего во многих стихах этого цикла — символ-знак не только глубины и тайны, но и рождения, и возрождения:

*Так лёд звенел ещё вчера
Над пробудившимся Онего,
Волна в ночной сорочке снега
Дремала сладко до утра...
Ещё вчера, ещё вчера...
Она томилась в зимних грёзах,
Уже сегодня — полдень розов,
Танцуют весело ветра! (...)*

В поэтике Елены Пиетилийнен есть одно качество, для художника весьма ценное. Она обладает властью цельности и одновременно не упускает из виду всевозможные солнечные, самоцветные, точные подробности. Музыкальность всего цикла подчёркивается грациозным использованием вербальных лейтмотивов; во многих стихах мы видим чудо звёздного неба и роскошь земных, природных даров. Эта крепчайшая связь земли и неба не раз подчёркнута поэтом, и она и есть стержневая опора, речной стрежень всей полноводной поэтической реки:

*Берёз изысканная вязь
Дрожит на полинявшем небе.
Росу смакует гибкий стебель,
И в нём — земли и неба связь.
Так и во мне — творенье Божьем —
Земная соль и звёздный блеск.
А солнышко по светлым пожням
Закатится в угрюмый лес. (...)*

Поэт не боится контрастов. Более того: на контрастах и построено поэтическое мироздание Елены, как оно построено в реальности, в жизни. Однако являются мысли о неизбежном уходе. Так же, как на землю слетает златокрылая осень, к человеку приходит чувство завершения пути, чувство прощания. Когда это будет? Никто не знает. Большое счастье, что мы не знаем часа своего. Так положил людям Бог.

*...В костре осеннем матушки-России
Придётся мне когда-то догореть...*

И звучит иная музыка — музыка печали. Музыка одиночества. Музыка, рисующая трагедию. Музыка безысходности. А может, есть выход? Только руку протяни?.. Только поверь?..

*Трагедия оставленных домов —
То темнота невыплаканных окон.
И немота засохшего истока —
Сюжет кошмарных беспробудных снов.*

*Или заброшенность — не сон, а явь?
Тучнеет в небе дикая зарница,
Своим теплом горячечным объяв
Озёр лесных сквозящие глазницы. (...)*

Елена Пиетиляйнен одушевляет гигантские пространства, наделяет способностью мыслить, почувствовать, обнять — целый город.

Опять между природой и человеком, между человеком и городом, местом его земного жития, ставится знак равенства. Поэт настраивает своё дыхание с дыханием города. Родную улицу хочет обнять, как сестру...

*Карельской ночи тёплый белый воск
Оплавился от пламени рассвета.
Обласканный онежским синим ветром,
Меня прижал к себе Петрозаводск.
Мне Пушкинская улица — сестра,
И рифмы здесь спуют, как пешеходы.
С листвой на землю опадают годы —
И их сжигают осенью в кострах. (...)*

Город в поэтической песне Елены не пугает и не давит каменной громадой; поэт не пишет устрашающую урбанистическую картину; здесь город скорее, образно и интонационно, приближается к природе. Строение рук человеческих? Да. Но ведь сам человек — часть природы...

А природа — зеркало глубочайшей древности. И глубокой тайны.

Поэт снова погружается в бездны народного мироощущения. Над священным родником стоят три берёзы. Три — сакральное число. Белокожими берёзами, исконно русским деревом, отмечено таинственное архаическое место. А в том родни-

не — воистину та вода, что может, как в сказках, омывая, воскрешать.

*(...) Я выпью живой воды,
Очищу от черни кровь.
И принесу родным,
Чтоб каждый вновь стал здоров.
В сердце моё проник,
Каплей волшебной врос
Древний тайный родник
В поле у трёх берёз.*

* * *

Елена Пиетиляйнен — автор текстов песен, которые уже много лет пишутся замечательными композиторами Карелии и поются лучшими вокалистами Карелии. Это не может не радовать. От песен, напрямую обращённых к родному Петрозаводску, где «...млечный путь от северной звезды / На город осыпается со снегом», к Родине — Карелии, месту

«таинственной силы, / Спасительных маяков», к Ладожскому озеру, где «...колоколами звонит у причала / Остров надежды — святой Валаам», до чистой лирики, где свободно, широко и пронзительно, то радостно, то печально звучит бессмертная любовная музыка («Звуками полон мир / Ветра, прибой, дождя. / Песнями и людьми. / Но он пустой без тебя. / Музыка сердца звучит, / Ты эти звуки лови! / Сыплются звёзды в ночи / Нотами нашей любви...»).

Острова, облака, Белое море, водопад (кстати, по живописи и звукописи вызывающий радостные ассоциации с торжественным стихотворением Г. Р. Державина: «Алмазна сыплется гора / С высот четырёх скалам; / Жемчугу бездна и серебра / Кипит внизу, бьёт вверх буграми...») северные ягоды (в весёлой, искрящейся песне появляются две знаменитые не только на весь Север, но и на всю Россию ягоды — брусника и морошка...) — вся великая северная многоцветная радуга земли карельской хочет быть воспета голосом поэта. Но... поэту мало только стихотворения. Становится тесно в его строфическом доме. Потребен выход в другое временное искусство. Подключается музыка. И музыка любви становится полнозвучной реальностью. И вся природа, соборно воспетая в стихах, обретает звучание, начинает звучать то в мажоре, то в миноре, и это своеобразная северная симфония, оригинальная полифония, где в строках, даже ещё до присутствия живой музыки, звучит не только солист, но и хор.

В этих песнях — живая боль и живое счастье. В этих положенных на музыку словах — своя внутренняя музыка, своя естественная нежная грация:

*(...) Позови за собой — туда позови,
Где ласкают ветра наше озеро.
Родники в заповедниках нашей любви
Вновь разлукой слегка подморозило...*

В песнях появляются и конкретные места Карелии — Рускеала, легендарные Кижы. И, когда звучит песня, посвящённая Кижам, остров становится ближе к нам, мы словно ступаем босую ногой на его мягкую изумрудную траву, видим серебристые, как внутренность раковины перловицы, деревянные купола церквей, сработанных без единого гвоздя...

Остров — символика бьющегося сердца земли посреди воды, её женской глубины; вода — подвижная, прозрачная шкатулка времён, ветровая песня забытой легенды. И мы застываем в тихой, сердечной молитве у иконы Спаса Нерукотворного.

*Зорьки алой костёр не погас —
Он в озёрном дрожит отраженьи.
Нас спасает намоленный Спас
Древней церкви Преображенья.*

*Снова Кижей зовут купола.
Их уже никогда не забуду.
Это остров любви и тепла,
Это остров желаний и чуда!*

И вот та песня, что достойно венчает всю эту песенную, музыкальную карельскую корону. Она — как алмаз в короне. Песня, посвящённая Карелии. Одновременно и трудно, и легко признаться в любви к Родине. Трудно потому, что тысячи поэтов признавались ей в любви до тебя. Но у тебя свой голос. Ты поёшь своим голосом. Ты звучишь, голосом летишь над землёй и водами — так, как судил тебе Бог. И даришь свой светлый голос людям. Здесь переборы волшебных струн кантеле, карельских гуслей, здесь танцуют метели, здесь города, сверкающие всеми огнями в ночи — драгоценное ожерелье на груди родной земли; здесь Белое море, где простор для буйно разгулявшихся ветров; здесь остров Валаам на Ладогге и Кижы с храмом Преображения — места намоленные, светлые, святые. Эта песня на слова Елены Пиетилайнен — не только любовь, обращённая к родной земле. Это ещё и портрет Родины в полный рост; и поэту удалось уместить в формат прозрачного, светящегося песенного текста всю красоту и неповторимость Карелии и всё горячее посвящение ей собственного любящего сердца.

*Карелия — гостеприимный край.
Распахнуты объятья старых елей.
Чарует душу кантеле игра
И белый танец северных метелей. (...)*

*(...) Глядят в Онего Кижей купола.
Над Ладогой плывёт звон Валаама.
С Карелией делю я пополам
Печаль и радость, как их делят с мамой.*

*Карелия — любовь моих очей.
Ты как невеста — празднично прекрасна.
Фата из белых кружевных ночей,
А в косах — ленты рек твоих атласных.*